

Министерство образования Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Гуманитарный факультет
Кафедра юриспруденции

ПРОБЛЕМЫ ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Городской межвузовский научно-практический семинар

31 мая 2001 г.

Фундаментальная

библиотека

№ 4312441

СПб ГПУ

ФБ СПбГПУ

0000435877

Санкт-Петербург
Издательство СПбГТУ
2001

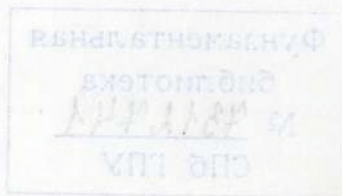
Проблемы права в современной России: Городской межвузовский научно-практический семинар. 31 мая 2001 г. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2001. 120 с.

В сборнике представлены материалы, отражающие опыт вузов Санкт-Петербурга в исследовании различных отраслей права в условиях развития и расширения правовой реформы в России. Отражены работы по проблемам конституционного, гражданского, налогового, предпринимательского права, по истории государственно-правовых институтов, гносеологии и генезису различных отраслей права. Большое внимание уделено гражданско-правовой и уголовно-правовой тематике. Рассмотрены проблемы педагогического и методического обеспечения многоуровневого и непрерывного юридического образования в рамках технического вуза.

Оргкомитет: *Ю.С. Васильев* (председатель), *В.Н. Снетков* (зам. председателя), *А.В. Пономаренко*, *С.С. Тибилов*, *Т.А. Долгополова*, *А.В. Лобыничев*, *И.К. Фомичев*.

Сборник издается без редактирования.

Ответственность за содержание тезисов возлагается на авторов.

компенсацию нетрудоспособности возникает у несовершеннолетнего одновременно с причинением вреда. С другой стороны, и эта позиция получила отражение в судебном решении, имеет место явная коллизия норм права, которая должна быть разрешена в пользу специальной нормы, т. е. Закона "О введении ч. 2....", прямо ограничивающего распространение нового закона на ранее возникшие отношения. Таким образом, уместно говорить о пробеле в законодательстве, не предусмотревшем бесспорные способы разрешения описанной коллизии.

4. Рассмотренные выше случаи из судебной практики, связанные с использованием некоторых положений так называемых вводных законов, указывают существенное значение норм, получивших в теории права название оперативных, т. е. обслуживающих основной нормативно-правовой акт, разрешающих некоторые вопросы его применения и действующих преимущественно в период становления нового закона. Поскольку применение норм права тесно связано с уяснением границ их действия во времени, такие оперативные нормы всегда следует оценивать надлежащим образом, и эта оценка должна предшествовать правильному спору, прежде всего, судом.

В.П. Горюнов

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Провозглашение естественного права есть исходная правовая посылка, которая означает равенство людей по природе, по самому факту человеческого существования. Но само по себе оно есть только абстракция, потому что, во-первых, если человек берется только как природной существо, само понятие права теряет смысл, т. к. в природе нет и не может быть права, в ней осуществляется естественная межвидовая и внутривидовая регуляция; во-вторых, если человек берется как общественное существо, то понятие права здесь сугубо формально в силу социальной дифференциации как исходного общественного отношения, в которой человек включается

с момента своего рождения. В действительности понятие естественного права синтезирует в себе общественное содержание, поскольку оно имеется только в обществе, и природное, материально-предметное, по формуле которого присущее только людям отношение “цель—средство” является естественным по своей сути отношением, определяемым законами материальной предметности.

Нормы морали, составляющие основу правовых норм, абстрактно-всеобщи и недостаточны для практического регулирования фундаментального социального отношения “цель—средство”, обусловленного действием техносоциальной формулы общества, где насилие оказывается необходимым условием выживания. Следовательно, система правовой нормативности не может быть всеобщей и объективно-нейтральной, она всегда создается в чьих-то интересах, всегда субъективна в трактовке законов и социальных фактов. Вне отношения “цель—средство” правовая нормативность оказывается не востребованной.

Нормативные законы общества не вытекают ни из сущности общественной жизни в качестве ее проявления (такой сущности просто нет), ни из всеобщей предустановленности и целенаправленности общества (их тоже нет). Правовые законы регулируют общественные отношения, исходя из интересов определенных социальных групп. В борьбе интересов на почве выработки законов нет борьбы логики, а есть только логика борьбы, которая при определенных условиях ведет к выходу за рамки закона, разопосредствованию и превращению социальной борьбы в открытое силовое противостояние.

Из невозможности создания объективно-непротиворечивой нормативности в обществе вытекает, что в конечном счете, среднестатистически (а не в каждом отдельном случае) более результативным оказывается нарушение законов морали и права, чем неукоснительное, безусловное следование им. В отношении “цель—средство” положение “цели” в той или иной мере обязательно связано с нарушением нормативности.

Равенство — это устанавливаемое в свободной, лидирующей общности взаимоотношение свободных, не зависимых друг от друга людей. Достижение равенства, прежде всего, означает, что все члены общности имеют возможность выжить.

Неравенство в конечном счете сводится к тому, что выжить могут не все члены общности.

Уравнительство — это отношение подчиненности, устанавливаемое между членами несвободной, отсталой общности (или в самостоятельной общности в периоды кризисов). Если в отношении равенства вступают сами люди, то отношение уравнительства устанавливается сверху. В рамках отношения “цель—средство” равны цели, уравнены средства.

В целом правовые отношения — это отношения социального соревнования, борьбы, нормативно регулируемые на основе принципа формально всеобщего равенства, подобного равенству участников спортивных состязаний. Однако в этой борьбе можно выделить два уровня: отношение равносильных и отношение хищника и жертвы, равенство которых лишь в равных возможностях “догнать—убежать”.

Для того, чтобы превратить одних людей в средство для других, чисто экономических способов принуждения недостаточно, поскольку экономические отношения характеризуются симметричной взаимозависимостью продавца и покупателя. В чисто экономические отношения вступают равные партнеры, свободные, не зависимые друг от друга субъекты, целью отношений которых является выгода от взаимного дополнения, а не от неравного обмена. То есть в чисто экономической сфере отсутствует присвоение результатов чужого труда. И в этом смысле экономическая деятельность, как только экономическая, не может быть источником прибыли (не дает превышения результата над затратами, не эффективна).

Следовательно, экономические отношения в чистом виде, т. е. чисто рыночные отношения, а значит, и сотканное из них либеральное общество — это не что иное, как идеальная модель, подобная идеальным моделям в естествознании. В реальном обществе соревнование, как таковое, имеет подчиненное значение, а стержневая социообразующая функция выполняется насилием, т. е. экономическое принуждение необходимо дополняется внеэкономическим, собственным насилием в той или иной его форме, той ли иной степенью опосредствования. Это значит, что в действительно либеральном обществе свобода рыночных отношений предполагает и свободу внеэкономического принуждения.

Жизнь в обществе определяется борьбой, в которой нет всеобщих объективных законов, а значит, нет всеобщей логики, а есть только логика борьбы, в которой важно получить не абстрактную истину, а конкретный результат, получить его сейчас — в настоящем, а не потом — в будущем, причем получить любой ценой, а не по декларируемым нормативам. Ибо результатом борьбы является жизнь (индивида или общности). А идеальные модели используются в сфере идеологии как средство реальной борьбы, в которой руководствуются не идеальными моделями, а действительными интересами. Вот с этих позиций и можно понять современную ситуацию в России.

Понимание объективной необходимости централизма в России должно сопровождаться пониманием того обстоятельства, что авторитарная власть сама по себе, как власть над людьми, есть зло в той мере, в какой она в своей персонифицированной представленности означает всего лишь власть одних людей над другими. Беззащитность человека перед властью оказывается по сути его беззащитностью перед другим человеком, а закон предстает уже не как высшая сила разума, стоящая над людьми и уравнивающая их перед собой, а как слепая стихийная сила, работающая на тех, в чьих руках она находится. Не случайно в народе издавна бытует поговорка: “Закон, что дышло, — куда повернул, туда и вышло”. Для России всегда была актуальна и другая, таящая глубокий смысл поговорка: “От тюрьмы и от сумы не зарекайся”. Ни один человек не может быть гарантирован ни от того, ни от другого, как бы он ни старался этого избежать, поскольку ни экономической, ни правовой устойчивой, логически непротиворечивой системы общественной жизни не существует. Последнее в полной мере относится и к либеральному, гражданскому обществу, где неравенство людей перед законом определяется различием возможностей оплачивать юридические услуги.

Соотношение профессионализма и обыденной информированности в области права качественно отличается от подобного соотношения в других областях деятельности, где основу профессионализма составляет специальное научно-теоретическое образование. Профессиональное образование врача и инженера состоит, прежде всего, в познании законов природы и умении ими пользоваться. Эти законы непреложны и однозначны, ими

нельзя варьировать и применять выборочно, потому что они действуют объективно, независимо от целей и используемых средств. Например, какие бы расчеты мы ни применяли, но тело тяжелее воздуха упадет, если оно не имеет опоры, а организм погибнет при отсутствии необходимых условий жизни. Интересы и личностные качества врача и инженера здесь не имеют никакого значения, ибо они знают законы природы, но не могут их использовать по своему усмотрению. Эти законы не требуют последовательного соблюдения, их не обойти, они действуют сами, а потому не могут быть и предметом состязательности людей.

Напротив, нормативные законы общества субъективны, они не открываются в процессе познания, а принимаются, изменяются и отменяются в ходе законотворческой деятельности. Они не являются всеобщими в том смысле, что в разной степени соответствуют интересам разных групп населения. Кроме того, они во всем своем многообразии противоречивы, т. е. не складываются в единую целостную систему, все элементы которой находятся в строгом взаимном соответствии друг с другом. Наконец, никакой свод законов не в состоянии охватить все проявления человеческой жизнедеятельности и тем самым обеспечить ее полное нормативное регулирование, правовое поле не покрывает всей социальной реальности.

Следовательно, юрист—профессионал не просто знает законы, он, в отличие от рядового человека с улицы, пусть даже выучившего все законы наизусть, владеет главным — видением и пониманием вышеуказанных противоречивости и неполноты действующего законодательства, что позволяет ему выстраивать дело в соответствии с интересами, которые он представляет, — то ли в качестве обвинителя, то ли в качестве защитника. Для юриста—профессионала знание законов всего лишь необходимое исходное условие деятельности, а главным и определяющим являются именно его личностные качества.

Таким образом, выражение “подброшенное вверх тело должно упасть” некорректно, поскольку в природе никто никому (ничто ничему) ничего не должен, поэтому правильнее сказать “подброшенное вверх тело упадет”. А выражение известного киногероя “вор должен сидеть в тюрьме” вполне корректно, но сугубо абстрактно и отнюдь не очевидно, ибо сам он туда не сядет, а все определяется интересами, личностными и профессиональными качествами юристов.

В обществе, в рамках его детерминированности взаимодействия с природой, невозможна законченная системность любого типа, т. е. невозможно построить законченную энергетическую, экономическую, социальную и любую другую систему. Однако конкретные исторические общности функционируют и развиваются на определенных ресурсах. Наибольшей степени целостности достигают лидирующие, господствующие общности, подпитываемые за счет других, менее развитых общностей. Все общности стремятся к достижению законченной целостности, в этом и заключается борьба за место в социальном пространстве.

В силу отсутствия системной согласованности всего многообразия элементов общественной жизни в рамках одного целого она не поддается последовательному логическому рассмотрению. Но поскольку человек может жить только в обществе, где борьба за выживание делает каждого по-своему правым, постольку в обществе есть власть, призванная в лице начальника и судьи определять меру прав и ответственности каждого, отвечая на сакраментальные вопросы “что делать?” и “кто виноват?”.

В России начальник не просто руководитель, а именно начальник как источник, субъект принятия решения, являющегося субъективным разрешением объективного противоречия, когда зачастую требуется только одно, проявление воли (стукнуть кулаком по столу и сказать: “чтобы было так и сегодня же!”). Если искать истинные решения общественных проблем, то всякая деятельность вообще прекратится, поскольку истинных решений в объективно противоречивой, системно не организованной жизни людей не может быть в принципе. Начальник — это человек, призванный постоянно развязывать или рубить узлы противоречий, поскольку в них не два, а много концов, из которых начальник выбирает настоящие.

В противоречивых отношениях равных субъектов социального взаимодействия решения принимает судья. Даже в идеальной гипотетической модели правового общества, доведенного до абсолюта, т. е. до состояния, когда, во-первых, знанием правовой нормативности обладают все (все знают законы), и, во-вторых, все являются законопослушными гражданами, нормативной гармонии не получится именно в силу отсутствия

всеобщей системной целостности общества. В этом идеальном случае можно допустить отсутствие специальных обвинителей и защитников, но не обойтись без судей, которые призваны своей волей разрешать общественные конфликты. Задача суда в том и состоит, чтобы устанавливать определенность там, где ее нет объективно. Суд провозглашает не истину, он принимает решение, постановляет. Здесь принципиально не может быть полной объективности, судья — действующий субъект, а не формальный регистратор. В противном случае суд не был бы нужен.

Профессиональный юрист есть наемное лицо, предоставляющее правовые услуги другим лицам — индивидам и общественным группам. В принципе можно допустить такую ситуацию, когда один и тот же человек участвует в процессах по рассмотрению двух одинаковых дел, но с разных сторон, — в одном случае со стороны обвинения, в другом со стороны защиты, — и оба процесса выигрывает. В праве нет очевидности, любое дело можно повернуть по-разному даже в рамках морали. Юриспруденция — это мастерство построения социальной модели, искусство формально-логического состязания при отсутствии объективной логики. При этом правовая состязательность начинается в парламенте при принятии законов, а не в суде. Законодательство в конечном счете ориентировано отношением “цель—средство”, и чем менее развита и самостоятельна общность, тем более оно непосредственно.

Тоталитаризм означает нормативность, доведенную до логического конца, до возможного предела и зафиксированную, воплощенную в социальной реальности, на практике. Это диктатура какой-либо великой и одновременно до безумия утопичной идеи, скрепляющей нормативность, когда патриотизм, религиозные (и светские) заповеди и т. п. становятся до иступления бескомпромиссными, беспощадными.

Разумеется, в чистом виде всю эту нормативность не реализовать, а потому неизбежны двойная мораль и двойные стандарты в области права. Верхи полагают, что они составляют исключение из общепринятой нормативности, поскольку они все понимают и все могут. Низы либо фанатично верят в идею, либо из страха симулируют веру, игнорируя ее в своей обыденной жизни. Вместе с тем, борьба за чистоту идеи и неукоснительное следование ей становится основной формой социальной борьбы

на всех уровнях, когда основным показателем человека, как личности, становятся его преданность идее и лояльность власти.

Среднее звено в обществе представлено либо прагматиками, понимающими, что идея нужна для дела, либо циниками, понимающими, что она есть просто необходимое средство борьбы за выживание на всех уровнях. Теоретики—интеллигенты изошряются в попытках рационального обоснования идеи. В таком виде она нужна как средство определенного воспитания молодых людей и поддержания в определенном ритуальном настроении зрелых. Промывка мозгов становится нормой, а обеспечение постоянной занятости людей, их сосредоточенности на идее представляют собой профилактику инакомыслия.

Существует миф, что диктатура — это порядок. Обыватель устает от анархии в общественной жизни—преступности, национального развала и прочего. И видит в диктатуре некое спасение. Но при этом диктатура мистифицируется. Если бы она устанавливалась от бога, то это еще как-то оправдывалось бы. Но диктатура — это власть обычных людей. Просто они освобождаются от закона, вот и все. И люди полагаются на то, что диктатура — это необычные люди. Но это миф. Диктатура — это обычные люди. Либо это параноики. Для России это типичнее. Диктатура хороша только тем, что обыватель снимает с себя всякую ответственность и полностью доверяется власти. А тут как повезет.

Нет смысла рассматривать демократию по схеме “нужна—не нужна”, объективно она возможна или не возможна, исходя из действия формулы. Демократия существует только там и тогда, где и когда существуют отношения равенства, понимаемого как отношения свободных, не зависящих друг от друга людей, связанных отношением партнерства, единого интереса и солидарности в их общем социальном противостоянии другим людям, занимающим другие позиции в социальном пространстве. Речь, в частности, идет либо о господствующих слоях в рамках одной общности, либо об общностях в целом, господствующих в системе межобщностных отношений. Соответственно, в подчиненных или замкнутых общностях (человечество в целом может рассматриваться как замкнутая общность) неизбежна глубокая социальная дифференциация, и демократия там невозможна и просто бессмысленна.

Таким образом, в реформируемых или вновь образующихся общностях сначала должно быть равенство и лишь потом (на его основе, а не после) демократия. Если демократия идет впереди, то она, наоборот, создает и углубляет неравенство, после чего сама сокращается до рамок господствующих слоев.

Полемика централиста и либерала теоретически бесплодна, поскольку с той и другой стороны она сводится только к обвинительной критике, отбрасыванию позиции оппонента. Тот и другой в своей критике всегда будут правы: либерализм без элементов централизма ведет к хаосу, а всеобщий централизм — к злоупотреблениям власти и застою. В силу объективной противоречивости социальной жизни исторический спор либерализма и централизма абстрактно-теоретически не рассудить. Реальна только борьба конкретных людей, объединенных в конкретные группы, — этнические, сословные, корпоративные, религиозные, партийные.

Теоретическое социальное познание не в состоянии ни построить модель всеобщей социальной гармонии, ни обосновать чье-либо преимущественное право на существование. Поэтому социальная теория всегда остается, во-первых, утопией и мифом, а во-вторых, идеологией, духовным средством реализации определенных материальных интересов. С одной стороны, она направлена на предотвращение вхождения общества в состояние тотальной войны всех против всех, а с другой — мобилизует людей на борьбу за свое выживание.

В соответствии с техносоциальной формулой государственная власть составляет связующую основу общественной жизни. Ее функция состоит в насильственной организации человеческой деятельности, прежде всего — производственной, а в зависимости от типа последней — всех остальных сфер. Т. е. власть не просто координирует деятельность множества людей в рамках единого целого, а именно насильно объединяет их в едином отношении “цель—средство”, представляя, тем не менее, лишь одну сторону этого отношения — “цель”. Иначе говоря, власть есть механизм поддержания отношения “цель—средство” и находится не над ним, а внутри его.

Понятие государственного регулирования экономики не может быть предметом ценностного суждения, потому что само по себе государственное регулирование не является ни добром, ни

злом. Оно означает объективный приоритет политики перед экономикой, но не в аспекте классовой борьбы, а в аспекте выживания общности. В сфере экономики создаются материальные ресурсы жизни, а политика обеспечивает саму возможность функционирования и развития экономики, т. е. обеспечивает сам факт существования общности как социального объединения людей.

В России закон традиционно имеет чисто формальный характер и рассматривается как некое сугубо внешнее обстоятельство, мешающее жить. Российские граждане традиционно незаконопослушны на всех уровнях: чиновник вместо неукоснительного следования закону превращает его в средство личного обогащения, а рядовой гражданин старается всячески обойти закон. В России диктатура закона, о необходимости которой сейчас много говорят, заменена диктатурой власти.

Смена власти и смена курса в России почти всегда совмещались, будучи сугубо взаимозависимыми составляющими единого социального процесса. Для российской формулы это норма: с одной стороны, невозможность длительных циклов однотипного устойчивого развития требует частой смены курса; с другой стороны, инерционность авторитарной власти не позволяет это делать независимо от ее смены, поскольку изменение курса обусловлено изменением состава правящей системы. Наиболее оптимально такая синхронность обеспечивалась естественной цикличностью перемены монархической власти, корректируемой в случае необходимости различными формами дворцовых переворотов.

Главная ценность такого механизма состояла в том, что смена курса обеспечивалась в основном изменениями в верхнем эшелоне власти и не вызывала глубинной социальной напряженности. Общество оставалось спокойным и управляемым. Система однопартийного управления в России (СССР) оказалась настолько инерционной, что полностью исключила возможность изменения курса даже при смене власти. Но в условиях социальной динамики XX века это не могло не закончиться катастрофой.

Тем не менее, и в XXI веке не просматриваются реальные признаки перехода России в ее современном виде к другой

формуле. А это значит, что остаются и обязательность достаточно частых перемен в общественной жизни, и необходимость авторитарной власти. Ясно, что нынешние демократические принципы организации власти при всей их внешней привлекательности не позволяют преодолеть тормозящего и разлагающего самоблокирования политической системы, постоянно грозящего привести к полному параличу власти и непредсказуемым социальным потрясениям.

Борьба законов в парламенте есть лишь опосредствованное выражение, легальная форма действительной социальной борьбы в обществе, у которой, соответственно, свои непреходящие законы.

Политические характеристики — “правые”, “левые”, “центристы”, “либералы”, “консерваторы” и т. п., — не имеют ценностного содержания. Однако это и не обозначение научных течений, и расхождения между ними не абстрактно-теоретические, не методологические и даже не методические. Здесь имеет место не разное понимание сущности человека и общества и не разные методы при достижении одинаковых целей, например, благополучие России, а разные социальные ориентации на разные слои общества, на разное человеческое содержание, наполнение отношения “цель—средство”, а значит, на разные законы, регулирующие данное отношение.

Современное гражданское и традиционное общества различаются по типу нормативности. Правовая нормативность гражданского общества осуществляется только в лидирующих, господствующих общностях. В зависимых общностях — аутсайдерах традиционная нормативность разрушена, а правовая существует только формально, и власть в своей основе авторитарна.

В России все противостояние закона и справедливости, справедливости и эффективности, добра и зла во всех их проявлениях сводится к простой силовой борьбе за власть (форма господства). Побеждает не закон или беззаконие, справедливость или эффективность, добро или зло и т. д. В России побеждает сила, только она легитимна. Сила возносит человека на социальный верх, а какова траектория этого вознесения не имеет значения.

СОДЕРЖАНИЕ

1. <i>Игнатова И.С.</i> Проблемы гражданства в Российской Федерации	3
2. <i>Соколинский М.Л.</i> Некоторые вопросы практики применения Законов о введении в действие ч. 1 и 2 ГК РФ в аспекте действия закона во времени	5
3. <i>Горюнов В.П.</i> Некоторые проблемы нормативности общественной жизни	9
4. <i>Длогополова Т.А., Прохорова М.А.</i> Концепция земельных отношений в Англии V—XI века. Историографический обзор	21
5. <i>Иванов В.И.</i> Судебно-психиатрические аспекты гомицидального поведения	32
6. <i>Кирхоглани С.В.</i> Государство и государственность в России	35
7. <i>Немова Н.Ю.</i> Сотрудничество органов внутренних дел с органами местного самоуправления по обеспечению правовой безопасности общества	40
8. <i>Попов Д.И.</i> К вопросу о правовой природе недействительных сделок	46
9. <i>Снетков В.Н., Вергасов Г.О.</i> Юридическая клиника — международно практический аспект. (Тезисы)	51
10. <i>Снетков В.Н.</i> СМИ, властные структуры и политические элиты в системе правоотношений	54
11. <i>Фомичев А.В., Фомичева Л.С.</i> Россия на пороге конституционной реформы	62
12. <i>Немова Н.Ю.</i> Влияние конституционных норм на взаимоотношения местного самоуправления с органами государственной власти	76
13. <i>Фомичев И.К.</i> Роль международного права и национальных законодательств по предотвращению легализации и (отмывке) грязных денег	87
14. <i>Шило Н.Я., Котельникова Е.А.</i> Процессуальное положение защитника в уголовном судопроизводстве	103
15. <i>Шило Н.Я., Котельникова Е.А.</i> Этические нормы деятельности защитника в уголовном судопроизводстве	113